

doi 10.21672/1818-4936-2020-76-4-132-137

КОНСТИТУТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ГОРОДСКИХ ИНСКРИПЦИЙ

Султанова Жулдыз Галимжановна, старший преподаватель, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, yulduz-1307@mail.ru

В статье рассматривается проблема выделения конститутивных признаков городских инскрипций современного публичного пространства, дается дефиниция понятия «инскрипция», проводится базовая классификация инскрипций (институциональные и персональные) и их сравнительный анализ. Также для классификации конститутивных признаков инскрипций автор выделяет две группы основных характеристик: функциональные и структурные.

Ключевые слова: городские инскрипции, классификация, институциональные признаки, персональные признаки, субституциональные признаки, коммуникация

CONSTITUTIVE SIGNS OF URBAN INSCRIPTIONS

Sultanova Zhuldyz G., senior lecturer, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatischev st., yulduz-1307@mail.ru

The article deals with the actual problem of identifying the constitutive features of urban inscriptions in modern public space. The definition of the concept of urban inscriptions, their basic classification (institutional and personal) and comparative analysis are introduced. Aside from that to classify constitutive signs of inscriptions the author distinguishes two groups of main characteristics: functional and structural.

Keywords: urban inscriptions, classification, institutional characteristics, personal characteristics, substitutional characteristics, communication

Городская эпиграфика является неотъемлемым элементом облика современного города. Этот факт делает её объектом массовых исследований для учёных разных областей наук. Так, например, в XXI веке изучение городских инскрипций как феномена коммуникации публичного городского пространства по праву является актуальным направлением в социолингвистике. Их изобилие и разнообразие обуславливают необходимость их изучения и категоризации.

В нашем исследовании ключевым вопросом является изучение специфики и выделение конститутивных признаков, определение понятия и жанра текста городских инскрипций и базовая классификация инскрипций на основе их сравнительного анализа.

Современные формы городских надписей (тексты рекламных баннеров, транспорта, вывески, граффити на стенах и др.) являются существенным элементом межкультурной коммуникации, но, тем не менее, их языковой статус является дискуссионным вопросом в современной лингвистике и недостаточно изучены в научной литературе. В отечественных социолингвистических исследованиях, посвященных изучению непосредственно теории текста города и особенностям функционирования разных типов современных городских инскрипций, детально разработана проблематика граффити и настенных надписей [Гун 2014, Бочарова 1997, Тылик 2016, Андреев 2009, Голенок 2010 и др.], рекламы [Кохтев 1997, Лазарева 2003, Елина 2008, Костина 2003, Дзикович 2004], городского текста [Лотман 2000, Шарифуллин 2008, Потанина 2012, Резанова 2012, Ахмедова 2009, Симоненко 2013], медиатекста [Михайлюкова 2017, Решетников 2009], и недостаточно разработана проблематика

интерпретации текста на текстильных изделиях [Ивус 2012, Иванова 2015, Халиков 2015], тату [Овсянникова 2017], автонадписи [Никишина 2017]. В научных исследованиях под термином «инскрипция» больше понимают историческое текстовое наследие давних эпох, нежели текст современного города, а примеры использования термина «городская инскрипция» у авторов наблюдаются редко [Касьянова 2017, Метелева 2017].

Поскольку исследование касается не просто инскрипций, а инскрипций, локализованных в городе, следует дать чёткую дефиницию термина. Исторический словарь галлицизмов даёт следующее определение понятия «инскрипция» и примеры употребления.

ИНСКРИПЦИЯ и, ж. inscription f. <лат. iscriptio. 1. Документ на получение занятых денег у частных лиц. Обязательства, которые выдают Правительства на право получения или возврата занятых у частных лиц сумм, эти и. составляют биржевой товар, на которые цены возвышаются, или упадают смотря по обстоятельствам. Вероятно, банкир, у которого ты спрашивал, счел меня за дурака, если думал, что я спрашиваю о билетах с купонами, т. е. о безыменных. Мои инскрипции номинальные, взятые в Турине, и потому % платят в Италии. 2. Надпись. Русский читатель, то есть существо ненасытное и в своем роде самоотверженное, читает все, что ни попадет на глаза... С одной стороны. вроде бы плохо, поскольку у нас имеется целая культура инскрипции на заборе, но с другой стороны, вроде бы хорошо, поскольку нет такой гадости, которая так или иначе не способствовала бы деятельности ума [3].

По первому примеру мы видим, что термин является экономическим и юридическим, а второе определение раскрывает его лингвистическое значение. Также необходимо противопоставить современные городские инскрипции историческим, которые являются надписями на традиционных и нетрадиционных носителях информации и представляют собой историческую ценность.

Итак, под городскими инскрипциями мы понимаем надписи городского пространства, нанесённые на нетрадиционные материалы. Если бумага является традиционным средством, то в нашем случае речь идёт о городских стенах, зданиях, билбордах, автомобилях, одежде и других предметах, которые представляют собой пример нетрадиционной формы нанесения на них надписей.

«Всякий текст сплетён из необозримого числа культурных кодов, в существовании которых автор, как правило, не отдаёт себе ни малейшего отчёта, которые впитаны его текстом совершенно бессознательно» [7, с. 39]. Соответственно, и инскрипции того или иного города являются своеобразным кодом, и этот код генерирует культурную, общественную, политическую и иные типы информации того или иного города или страны. Разумеется, эти коды будут отличаться друг от друга, но в базе имеют общие признаки, которые мы изучим.

Город представляет собой «котел текстов и кодов, разноустроенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням» [8, с. 325]. «Текст города как овеществленный и осмысленный результат социальных практик отражает в своих структурах системы доминирующих концептов, образов, оценок – фрагменты картины мира его жителей. <...> Городской текст соотнесен с текстом города, мотивирован им, интегрируя семиотические ресурсы текста города в процессах их разнонаправленных дискурсивных интерпретаций, связанных с разнотипными и разнонаправленными социальными интересами и практиками» [9, с. 19].

При выделении конститутивных признаков городских инскрипций мы учитываем классификацию типов дискурса, построенную В.И. Карасиком. Так, с позиции ситуативного подхода к изучению дискурса, который «предполагает учет специфики общения, обусловленной его каналом» [6, с. 66], материал данного исследования относится к инскриптивному типу дискурса. Учёный

выделяет также субъектный подход, согласно которому «можно выделить два основных типа дискурса: персональный (лично-ориентированный) и институциональный (статусно-ориентированный). В первом случае говорящий выступает как личность во всём богатстве своего внутреннего мира, во втором случае – как представитель определённого социального института. Персональный дискурс существует в двух основных разновидностях: бытовое и бытийное общение. Бытовое общение происходит между хорошо знакомыми людьми, оно сводится к поддержанию контакта и решению обиходных проблем. Его особенность состоит в том, что это общение диалогично по своей сути, протекает пунктирно, участники общения хорошо знают друг друга и поэтому общаются на сокращённой дистанции, не проговаривая детально того, о чём идёт речь. Это разговор об очевидном и легко понимаемом» [5, с. 6]. Например, О.Н. Ивус, рассматривая пример со слоганами на одежде, отмечает, что эти надписи «отличаются от рекламного, социального и политического слоганов, так как данный субжанр служит не продвижению какого-либо товара, в том числе политического лидера, или общественно-социальной информации, а по существу является самопрезентацией языковой личности и демонстрацией её личных взглядов на окружающую действительность и поэтому относится именно к бытовому, а не к институциональному дискурсу: он субъективен, встречается в повседневных ситуациях и служит для выполнения совсем других функций» [4, с. 36].

Некоторые исследователи также утверждают, что недостаточно выделять институциональные и неинституциональные инскрипции, так как городское пространство наполнено разнородными инскрипциями, которые сложно поддаются классификации. В них зачастую выявляются черты разных дискурсов, перечислим, к примеру, уличные граффити, надписи на футболках или тату. На наш взгляд, во многих случаях это связано с недостаточной изученностью инскрипций и нерасчленённостью их институциональных и персональных начал. Так, по словам отечественного исследователя в области культурологии Г.Е. Гун граффити являются примером «субституционального художественного творчества, институализирующегося на наших глазах. Во-первых, институализируется само «рисующее сообщество», которое сформировало некий кодекс, запрещающий расписывать здания, являющиеся культурной ценностью <...>. Во-вторых, институализация проявляется в возникновении мощной индустрии граффити <...>. В-третьих, институализируется заказчик и потребитель этого искусства» [1, с. 167]. По справедливому утверждению «наиболее отчётливо субституциональные художественные интересы существуют в молодёжной среде», а размытость границ институционального и неинституционального измерений исследователь объясняет тем, что «проблема российской художественной жизни в том, что в силу недостаточно сложившейся стратификации общества отчётливо не сформированы субкультуры, не оформились их предпочтения в сфере художественной культуры. В результате оказываются размытыми институциональные и субституциональные способы их реализации» [2, с. 124].

Для классификации конститутивных признаков инскрипций выделим две группы основных характеристик: функциональные и структурные. Надписи порождаются такими функциями, как воздействие, информирование и самовыражение. Эти три базовые функции вызывают появление соответствующих текстов, представляющих собой уточнение функций, например, в рамках воздействия это могут быть призывы или утверждения («Голосуйте за Абуева! Он не даст вас "обуть"», «Ребята, давайте жить дружно»), к информативным функциям относятся номинативные («Улица Ахматовская», «Астраханская область»), рекламные («Развёлся? Поздравляем! Квартиры с мебелью и техникой», «Порадуй себя и близких! Успей купить!»), презентационные или указательные инскрипции, т. е. это дорожные знаки («STOP»),

регулятивы («Автотехцентр 750 м →»), названия магазинов («магазин «Ромашка»), бирки на одежде («Made in China»), фирменные знаки («Coca Cola»), объявления («На предприятии введен масочный режим», «Продажа, аренда, выкуп»), в рамках самовыражения инскрипции выражают демонстрацию своего отношения к себе («I'm not perfect, but I'm limited edition», «Не повторяй моих ошибок»), к городу («Москва, ты слишком красива, чтобы быть просто подружкой (с) Питер», «Я – девочка, я не хочу ничего решать, я хочу в Петербург»), к окружающим («Я люблю тебя до луны и обратно», «Не жди чуда, будь им»).

Структурная характеристика определяет место и способ нанесения надписи. Местом нанесения выступает любое пространство или поверхность, открытое для визуального восприятия. По способу нанесения надпись может быть написана, выбита, высечена, вырезана, нанесена красками, выведена электронным образом на табло или выложена разными предметами (ландшафтные надписи). По структуре надписи может представлять собой слово («AMOR», «Сбербанк»), словосочетание («Daddy of Big Boss», «Падение штукатурки!») или высказывание («Кто не меняется, то не идет вперед», «Никогда не говори никогда»), как правило, короткое. Оно может представлять собой стилизованный текст, характеризующийся иконичностью, эмблематикой, игрой, то есть иметь цифры, эмблемы и символы, знаки препинания («Лучше маленький \$, чем большое спасибо!», «Я ♥ Астрахань»). Обратим внимание, что точка в текстах инскрипций в конце не ставится, но выражение является законченным. При этом принципиально важна длина инскрипции, так как важно восприятие инскрипций как целостного текста.

Можно выделить две группы городских инскрипций: институциональные и персональные. Институциональные городские надписи, в свою очередь, делятся на функциональные разновидности: 1) идеологические («Россия! Путин! Иисус!», «Свобода лучше зарплаты»), 2) информационные («Пристегни ремень. Отвлекись от телефона», «Здесь в 1868 году жил и работал писатель Л.Н. Толстой»), 3) рекламные («Начинай день с завтрака», «Персен. Смотрите на стресс свысока»). Эти инскрипции выполняются профессионалами, они отражают потребности общества в идеологических ориентирах, информационной систематизации пространства, продвижении товаров и услуг. Неинституциональные, т.е. персональные, инскрипции образуют широкий класс городских надписей, включающих граффити, надписи на стенах и асфальте, наклейки на личных автомобилях, на различных гаджетах, надписи на футболках, тату. Функции таких инскрипций сводятся к самовыражению, статусной идентификации и декоративности («Be yourself», «My son is my sun», «La vita e bella»). Суть самовыражения – демонстрация своей креативности. Статусная идентификация показывает принадлежность носителя инскрипции к той или иной группе населения, декоративная функция отвечает потребности украшать обживаемое пространство.

Неинституциональные инскрипции отличаются стихийностью, спонтанностью и субъективностью, им присущи слабая структурированность и неустойчивость. Разумеется, существует широкая вариативность признаков персональных инскрипций. Некоторые типы таких надписей по своей сути являются пограничными между институциональными и персональными инскрипциями. Например, надписи на футболках тиражируются в фабричном формате, часто являются сугубо декоративными (в случае использования иностранных слов и выражений их носители даже не знают значений этих слов). Аналогичным образом мода на тату привела к широкому использованию надписей на экзотических для нашего населения языках, в частности, на китайском («一日三秋») и арабском («الحياه عن أمى اشكر», «عشق»). Используются также изречения на латыни («Veni Vidi Vici», «Gustos meus mihi semper») и надписи, сделанные готическим шрифтом.

Таким образом, городские инскрипции, являясь компонентом информационного пространства современных населённых пунктов, обладают определёнными содержательными и формальными характеристиками, распадаются на два основных типа – институциональные и персональные, функционально обусловлены потребностями общества и индивидуумов. Институциональные инскрипции делятся на идеологически маркированные, информационные и рекламные надписи, персональные инскрипции подразделяются на надписи, вызванные потребностями творческого самовыражения, включая шуточные и вульгарные сообщения («*Думай головой, а не подружками*», «*Сильна я духом, слабая кукухой*»), статусную идентификацию (в частности, указание на молодёжный возраст носителя надписи («*Туси пока молодой*», «*I can't keep calm, I'm baby*»), гендерную («*Осторожно! За рулем Королева!*», «*Super папа – Super дочь*») и этническую принадлежность («*Русские не сдаются!*», «*Я русская!*») и декоративности.

Городские инскрипции как один из важнейших элементов образа города возникают в результате воздействия как внутренних, так и внешних факторов городской системы. Они представляют собой гибкую или специфически неустойчивую совокупность сообщений семиосферы городского пространства, складывающуюся в процессе социальной и культурной деятельности людей и выражающую комплекс жизненных ценностей граждан. Существующая культура городских инскрипций продиктована временем и общественно-политическими событиями, традициями и бытом местных людей, поэтому классификация городских инскрипций позволяет нам в более полной мере понять эти процессы и изобразить общую картину мира городских жителей.

Список литературы

1. Гун Г. Е. Субституции городской художественной культуры / Г. Е. Гун // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2013. – Т. 1, № 1. – С. 166–170.
2. Гун Г. Е. Художественная культура города: структура, динамика, перспективы : дис. ... д-ра культурологии / Г. Е. Гун. – Челябинск, 2014. – 356 с.
3. Епишкин Н. И. Исторический словарь галлицизмов русского языка / Н. И. Епишкин. – М. : ЭТС, 2010. – 5140 с.
4. Ивус О. Н. Базовые концепты слоганов на одежде сквозь призму оценочности / О. Н. Ивус // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 19. – С. 35–41.
5. Карасик В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. – Волгоград : Перемена, 2000. – С. 5–20.
6. Карасик В. И. Дискурсивное проявление личности / В. И. Карасик // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2016. – Т. 20, № 4. – С. 56–77.
7. Косиков Г. К. Ролан Барт – семиолог, литературовед / Г. К. Косиков // Барт Р. Избр. работы: Семиотика. Поэтика. – М. : Изд. группа «Прогресс», «Универс», 1994. – 133 с.
8. Лотман Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПб, 2000. – 704 с.
9. Резанова З. И. Семиотическая репрезентация национально-культурной идентичности в тексте города / З. И. Резанова // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2012. – № 3 (7). – С. 19–26.

References

1. Gun G. E. Substitucii gorodskoj hudozhestvennoj kul'tury. Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Social'no-gumanitarnye nauki», 2013. № 1, vol. 1, pp. 166–170.

2. Gun G. E. Hudozhestvennaya kul'tura goroda: struktura, dinamika, perspektivy; doctoral dissertation in cultural studies. Chelyabinsk, 2014. 356 p.
3. Epishkin N. I. Istoricheskij slovar' gallicizmov russkogo yazyka. M.: ETS, 2010. 5140 p.
4. Ivus O. N. Bazovye koncepty sloganov na odezhde skvoz' prizmu ocenочnosti // Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta, 2012, № 19, pp. 35–41.
5. Karasik V. I. O tipah diskursa. Yazykovaya lichnost': institucional'nyj i personal'nyj diskurs. Volgograd: Peremena, 2000, pp. 5–20.
6. Karasik V. I. Diskursivnoe proyavlenie lichnosti. Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika. 2016. № 4. Vol .20. pp. 56–77.
7. Kosikov G. K. Rolan Bart – semiolog, literaturoved // Bart R. Izbr. raboty: Semiotika. Poetika. M.: Publishing house «Progress», «Univers», 1994. 133 p.
8. Lotman Yu. M. Semiosfera. SPb.: Iskusstvo-SPB, 2000. 704 p.
9. Rezanova Z. I. Semioticheskaya reprezentaciya nacional'no-kul'turnoj identichnosti v tekste goroda // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie, 2012, № 3 (7), pp. 19–26.

doi 10.21672/1818-4936-2020-76-4-137-142

СПЕЦИФИКА КОММУНИКАЦИИ В ЕВРОПЕЙСКОМ ТЕАТРЕ АБСУРДА (НА ПРИМЕРЕ ПЬЕС С. БЕККЕТА И Э. ИОНЕСКО)

Трунилина Марина Игорьевна, ассистент, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, ferya@yandex.ru

Пителина Мария Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, mv-pitelina@mail.ru

В статье рассматриваются особенности коммуникации в пьесах европейского театра абсурда. Отсутствие в акте коммуникации важнейших составляющих – потребности, мотива, цели – ведёт к её нарушению. Следствием нарушения коммуникации является распадение речи, которое мы наблюдаем в случае нарушения лексико-грамматических связей, отсутствии смысловой связи между предметами разговора, в алогичных умозаключениях героев, в многоплановости диалога. Материалом исследования являются тексты пьес Э. Ионеско «Лысая певица» и С. Беккета «В ожидании Годо».

Ключевые слова: театр абсурда, С. Беккет, Э. Ионеско, персонаж, коммуникация, речь, диалог

COMMUNICATION IN THE EUROPEAN THEATRE OF THE ABSURD (ON THE EXAMPLE OF EUGÈNE IONESCO'S AND SAMUEL BECKETT'S PLAYS)

Trunilina Marina I., Assistant, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st., ferya@yandex.ru

Pitelina Maria V., Ph.D. in Philology, Associate Professor, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st., mv-pitelina@mail.ru

The article examines the features of communication in the plays of the Theatre of the Absurd. The absence in the act of communication of the most important components such as objectives, motives and needs - leads to communication breakdown. The consequence of communication breakdown is language disintegration, which we observe in the case of lack of lexical and grammatical connections, the absence of semantic connection between the objects of conversation, in